

На правах рукописи

ТАРАСОВА
Мария Алексеевна

**ПЕРЕВОДЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2014

Работа выполнена в отделе теоретического и прикладного языкознания
Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт
языкознания Российской академии наук»

**Научный
руководитель:**

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИЯз РАН
Азарова Наталия Михайловна

**Официальные
оппоненты:**

Успенский Фёдор Борисович, доктор филологических наук, заместитель
директора Института славяноведения РАН

Корчагин Кирилл Михайлович, кандидат филологических наук, младший
научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им.
Н.И. Лобачевского», кафедра современного русского языка и общего
языкознания

Защита диссертации состоится «30» октября 2014 года в 12.00 часов на
заседании совета Д.002.006.03 – в Институте языкознания Российской
академии наук по адресу Москва 125009 Б. Кисловский пер. д.1 стр.1

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Института языкознания Российской академии наук по адресу Москва 125009
Б. Кисловский пер. д.1 стр.1

Автореферат разослан «___» _____ 2014 года

Ученый секретарь совета

Андрей Владимирович Сидельцев

Общая характеристика работы

В работе исследуются потенциальные явления в области словообразования и грамматики, возникающие в русских переводах современных англоязычных поэтических текстов.

Потенциальность в современной лингвистике понимается как универсальное свойство языковой системы. В первую очередь это связано с представлением о языке как о «системе возможностей» в противопоставлении норме как «системе обязательных реализаций»¹. Потенциальные явления опираются на системно заданные свойства языка: в творчестве находят отражение «языковые тенденции, проявленные в нормах и правилах употребления единиц языка»².

В нашей работе под проявлениями *потенциальности* в тексте понимается реализация возможностей, заложенных в языковой системе и получающих развитие при определенных благоприятных условиях. Данные явления в области словообразования и грамматики рассматриваются нами в текстах переводов современной англоязычной поэзии.

Актуальность нашего исследования определяется тем, что в настоящее время в лингвистике наблюдается устойчивый интерес к языку поэзии и тем возможностям, которые он реализует по отношению к общенациональному языку.

В лингвопоэтике язык поэзии понимается как «воплощение всех языковых возможностей»³. Ряд же поэтических «инноваций» заполняет лакуны в грамматической системе русского языка и представляет собой «точки роста» новых явлений⁴.

В лингвистике наблюдается неизменное внимание к теоретическому осмыслению проблем перевода поэзии. Решение задач анализа перевода поэтических текстов, как утверждает Вяч. Вс. Иванов, требует участия специалистов-исследователей языка поэзии⁵. В связи с этим представляется **актуальным** применить лингвопоэтический метод к анализу переводных поэтических текстов и ввести в круг проблем исследования перевода системное рассмотрение потенциальности как характерной особенности текстов переводов современной поэзии.

---

¹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3, М., 1963. – С. 175.

² Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сборник докладов Международного научного семинара, М., Азбуковник, 2009. – С. 19.

³ Григорьев В.П. Поэтика слова, М., Наука, 1979. – С. 25.

⁴ Радбиль Т.Б. Грамматические инновации в современной русской речи как «точки роста» новых явлений // Активные процессы в современной грамматике, М., 2008.

⁵ Иванов Вяч. Вс. О причинах языковых трудностей перевода художественного текста // Поэтика перевода, М., Радуга, 1988. – С. 87.

Объектом исследования являются языковые особенности русских переводов современных англоязычных поэтических текстов.

Предметом исследования являются механизмы появления, особенности функционирования и семантика потенциальных слов и грамматических форм в языке современной переводной поэзии.

Цель работы – показать, что потенциальность в концентрированном виде реализуется в языке русских переводов современной англоязычной поэзии, и доказать, что способность переводных поэтических текстов реализовывать потенциальность принимающего языка является их универсальным свойством.

Поставленная цель обуславливает следующие **задачи** работы:

1. Рассмотреть работы по истории перевода с точки зрения влияния переводных текстов на развитие русского языка в диахроническом аспекте.

2. Определить роль современных переводных поэтических текстов в развитии современного русского языка и соотнести потенциальные явления, возникающие в переводных поэтических текстах, с активными процессами, происходящими в современном русском языке.

3. Описать основные потенциальные словообразовательные и грамматические явления в языке переводной поэзии.

4. Выявить причины и модели продуцирования потенциальных явлений и описать их функционирование в целом тексте. Определить механизмы соотнесения и трансформации узуальных и потенциальных слов и форм в языке поэтического оригинала и поэтического перевода.

5. Сравнить особенности образования и функционирования потенциальных слов и форм в языке переводной и оригинальной русской поэзии того же времени, выявить их роль в идиостиле поэта, одновременно выступающего в роли переводчика.

Материалом исследования послужили переводные поэтические тексты второй половины XX – начала XXI веков В. Британишского, В. Аристова, А. Уланова, А. Бабичевой, Г. Еρμοшиной, М. Машинской, Г. Кружкова, Д. Кузьмина, Н. Скандиаки, А. Прокопьева, Д. Веденяпина, В. Топорова и др. (всего более 50 переводчиков) таких авторов, как Э.Э. Каммингс, М. Палмер, Б. Коффи, Дж. Грэм, С. Плат, Р. Силлиман, М.Д. Солтер, Т. Стил, А. Тейт, Р. Уильямс, Р. Уолдроп, К. Фолькман, Э. Фостер, Дж. Хай, Л. Хеджинян, Ш. Хини, Т. Хьюз и др. (всего более 100 авторов). Для сравнения привлекались тексты современных поэтов Н. Скандиаки, Д. Голынка, М. Еремина, Н. Искренко, А. Левина, А. Цветкова и др. Всего было рассмотрено около 1000 переводных текстов в таких сборниках, как «Американская поэзия в русских переводах. XIX – XX вв.», «Антология

поэзии битников», «Разница во времени: сборник переводов из современной американской поэзии», «В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах», «Современная американская поэзия: Антология». Также использовались опубликованные в интернете тексты и тексты из личных архивов поэтов-переводчиков. Мы рассматривали тексты не только современных поэтов-переводчиков, известных переводчиков, но и малоизвестных переводчиков, вплоть до анонимных текстов из интернета, чтобы доказать, что потенциальность присуща переводному тексту независимо от его качества и профессионального статуса автора.

Для сравнения языковых процессов в разных стилях речи использовались данные Национального корпуса русского языка, его поэтического подкорпуса и интернета.

Научной и теоретической базой исследования послужили работы по лингвопоэтике (Р.О. Якобсона, В.П. Григорьева, О.Г. Ревзиной, Н.А. Кожевниковой, И.И. Ковтуновой, Ф.Б. Успенского, Л.В. Зубовой, Н.А. Фатеевой, Т.Б. Радбиля, Н.М. Азаровой); по языку английской поэзии (Г.Н. Лича, И.В. Бейкера, Р.А. Брэдфорда, А.С. Патриджа, М. Шота, Г.Г. Виддовсона, Т.Д. Венедиктовой); по теории перевода (Р.О. Якобсона, Л.С. Бархударова, Н.К. Рябцевой, В.Н. Комиссарова и др.); по истории русского языка (В.В. Виноградова, Б.А. Успенского, Н.Н. Дурново и др.) и по истории перевода (В.Н. Ярцевой, Е.М. Верещагина); по активным процессам в области словообразования и грамматики (Е.Н. Ремчуковой, Л.П. Крысина, Н.А. Николиной, В.Г. Костомарова, Н.С. Валгиной); по словообразованию и грамматике английского и русского языков (И. Плага, В. Адамс, Х. Марчанда, Л. Бауэра, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, И.С. Улуханова, Е.А. Земской и др.).

Методы исследования. Основным методом исследования является лингвопоэтический метод, понимаемый как «выявление мотивированности языковых единиц всех уровней в их проекции на целый текст»⁶. При работе с исследуемыми текстами использовался метод сплошного обследования. В работе также применяется сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического комментирования текста, корпусный метод, метод интервьюирования. Сравнительно-сопоставительный метод используется не только для сравнительного анализа текста оригинала и его перевода, но и для сравнительного анализа переводов и собственных поэтических текстов на принимающем языке одного и того же автора. Все словоформы, рассмотренные в работе, верифицировались корпусным методом (по

---

⁶ Азарова Н.М. Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI веков. Диссертация докт. филол. наук, М., 2010. – С. 13.

Национальному корпусу русского языка) и поиском в интернете с целью выявления количества употреблений каждой из них. Метод интервьюирования подразумевает опрос поэтов-переводчиков с целью спровоцировать метатекстовую и метаязыковую рефлексия.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что перевод трактуется как объект, отражающий потенциальные явления в принимающем языке. Впервые современные поэтические переводы рассматриваются как особый тип текста, в котором максимально проявляется феномен потенциальности. В работе впервые последовательно рассматриваются лингвистические работы по истории русского языка в ракурсе истории перевода; впервые системно описан ряд словообразовательных и грамматических особенностей текстов переводов современной англоязычной поэзии, а также выявлены языковые различия переводной поэзии и оригинальной поэзии на принимающем языке. В исследовании применен новый формальный (количественный) критерий разграничения потенциальных и окказиональных слов.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении перевода в контексте межъязыкового взаимодействия как одного из стимулов возникновения потенциальности в принимающем языке в историческом аспекте и как объекта, отражающего активные процессы, в синхронии; в доказательстве того, что в языке переводной поэзии в концентрированном виде реализуются потенциальные явления в области словообразования и грамматики; в выявлении специфики языка текстов переводной поэзии на русском языке в сравнении с оригинальной русской поэзией, а также в определении различий в языковых стратегиях поэта и переводчика.

Практическая ценность работы. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по лингвопоэтике, истории языка и истории поэтического языка, теории и практике художественного перевода, теории текста. По материалам диссертационного исследования был подготовлен курс «Теория и практика поэтического перевода». По материалам второго раздела первой главы может быть составлен курс по истории перевода в аспекте развития русского языка. Данные, полученные в работе, могут применяться в лексикографии при составлении словарей и справочников по активным процессам в языке, а также в практической деятельности и обучении переводчиков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Перевод с исторической точки зрения можно рассматривать как один из катализаторов языкового развития и стимул появления потенциальных форм в текстах на русском языке.

2. На современном этапе переводные поэтические тексты в концентрированном виде отражают потенциальность системы принимающего языка, т.е. активные процессы, происходящие в русском языке.

3. В языке переводов современной англоязычной поэзии регулярно наблюдаются потенциальные формы множественного числа отвлеченных существительных, новые формы отрицания, конструкции с послелогом, реализуется целый ряд активных языковых процессов – образование дефисных комплексов, расширение класса отрицательных существительных, образование потенциальных отглагольных существительных на *-ние* с процессуальным значением и со значением деятеля с суффиксами *-щик-* и *-тель-*, потенциальных отглагольных прилагательных с семантикой возможности/невозможности. Одна потенциальная словоформа в переводе может представлять собой контаминацию двух потенциальных явлений.

4. Потенцирование форм оригинальными англоязычными поэтическими текстами в переводных поэтических текстах на русском языке происходит по двум моделям: «потенциальное → потенциальное» и «узурпаторское → потенциальное». Особенностью текстов переводной поэзии является их насыщенность потенциальными словами и формами. Количество потенциальных слов и форм в переводе превышает их количество в оригинале, что обусловлено тем, что запущенный механизм потенцирования проявляется в поиске потенциальных соответствий узурпаторским словам и формам оригинала. Отсутствующее в русском языке грамматическое явление продуцирует проявление потенциальности в переводном поэтическом тексте.

5. В отличие от современной оригинальной русскоязычной поэзии, в языке русской переводной поэзии отдается предпочтение потенциальным словам и формам по отношению к окказионализмам. В языке современной переводной поэзии действует сознательный механизм потенцирования, направленный на использование исключительно средств принимающего языка, в то время как для современной русской поэзии характерно стремление расширить границы языковой нормы.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования получили апробацию в виде научных докладов на следующих конференциях: XLIII Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, СПбГУ, 11-15 марта 2014); IX Сапгировские чтения «Поэзия и перевод на рубеже тысячелетий» (Москва, РГГУ, 16-17 ноября 2012), «Конференция молодых ученых-филологов» (Москва, МПГУ, 9-11 октября 2010), «Актуальные проблемы русского языка и культуры речи» (Иваново, ИГХТУ,

5-7 октября 2010), «Филологическое образование: теоретические и прикладные аспекты» (Саранск, Мордовский государственный педагогический институт, 26-27 мая 2011), «Русский язык в контексте межкультурной коммуникации» (Самара, ПГСГА, 11 ноября 2011), «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты» (Тольятти, ТГУ, 17-19 ноября 2011), «Грани языка в научном освещении и педагогической практике» (Тула, МПГУ, ТГПУ, 10-11 мая 2012), XIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2012» (Москва, МГУ, 9-13 апреля 2012).

Основные положения диссертации отражены в 10 публикациях общим объемом 2,4 п.л., из них 3 в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав (первая состоит из двух разделов), выводов по каждому разделу, заключения, библиографического списка и списка источников.

Основное содержание работы

Во **Введении** сформулированы цель и задачи исследования, раскрывается его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость; охарактеризованы объект, предмет, материал, методы и структура исследования; выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В первом разделе первой главы «Вопросы теории и истории перевода в контексте потенциальности» раскрывается значение термина *потенциальность*; освещается современное состояние теории перевода и ее частные вопросы (специфика перевода художественных текстов, поэтических текстов, современных поэтических текстов). Теория перевода до сих пор уделяет недостаточно внимания современным переводным поэтическим текстам, исключением может служить недавнее диссертационное исследование К.И. Леонтьевой⁷, в котором рассмотрение перевода поэзии в коммуникативном аспекте осуществляется на актуальном материале переводов современной англоязычной поэзии.

Также в данном разделе рассматриваются лингвистические особенности английских и русских поэтических текстов с целью обосновать применение лингвопоэтического метода к анализу переводных поэтических текстов; выявляются предпосылки рассмотрения перевода как одного из стимулов реализации потенциальности в принимающем языке.

---

⁷ Леонтьева К.И. Универсалии поэтического (стихотворного) перевода (на материале русских переводов из англоязычной поэзии XX века). Автореферат дисс. канд. филол. наук, Тверь, 2013.

Потенциальность, являясь общей характеристикой системы языка, по-разному реализуется в его подсистемах. Поэтический язык как подсистема общенационального языка⁸ обладает рядом специфических свойств. «В прозе возможности языка “сдерживаются” модусом внеязыкового существования, в стихе модус собственно языкового существования высвобождает раскрытие языковых потенций»⁹. При этом «поэзия является той сферой языка, в которой общие тенденции его развития проявляют себя быстрее всего и наиболее явно, чем в других сферах»¹⁰. Именно в языке поэзии потенциальность реализуется в полной мере. Отношение поэта к языку как к системе возможностей формирует режим потенциальности поэтического текста.

Потенциальность по отношению к языку поэзии можно понимать, с одной стороны, «как актуализацию заложенных в общезыковой системе механизмов и отношений, а с другой стороны – как возникновение вербальных форм, представляющих собой новую сферу потенциальности для общенационального языка»¹¹.

Традиционно перевод художественной литературы интерпретируется с позиций оценки его результатов, то есть в терминах адекватности, эквивалентности, полноценности (В.Н. Комиссаров, В.С. Виноградов, Л.С. Бархударов и др.) и иных способов измерения отношений между оригинальным и переводным текстами, что не всегда релевантно при анализе перевода поэзии, так как в поэтическом языке значения слов не сводятся к словарным дефинициям, каждый знак мотивирован целым текстом. В нашей работе предлагается другой подход к анализу переводных поэтических текстов с позиций выявления потенциальности, возникающей в языке перевода при контакте с языком оригинала.

Мысль о взаимодействии языков в процессе перевода, состоящем в сближении языков, а также в восполнении пробелов структуры принимающего языка, высказывалась многими философами (В. Бенямином, Ж. Деррида, П. Рикёром, Х. Ортега-и-Гассетом и др.). Р.О. Якобсон также отмечал, что перевод может способствовать обогащению языка¹².

---

⁸ Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Диссертация в форме науч. доклада докт. филол. наук. М., 1998.

⁹ Там же, С. 22.

¹⁰ Фатеева Н.А. Предисловие ко второму изданию книги Г.О. Винокура «Маяковский – новатор языка», М., URSS, 2006. – С. 1.

¹¹ Азарова Н.М. Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI веков. Диссертация докт. филол. наук, М., 2010. – С. 196.

¹² Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике, М., Международные отношения, 1978. – С. 19.

Стремление переводчика передать как можно большее количество языковых особенностей оригинала приводит к изменениям в языке перевода: язык перевода начинает подстраиваться под оригинал, меняться в связи с ним. Но изменения эти не радикальны, они легко вписываются в систему принимающего языка, как бы достраивая ее.

При переводе ведущим является стремление так преобразовать язык, не выходя за его нормы, чтобы наиболее полно передать как можно большее количество особенностей оригинала, в первую очередь языковых. Это объясняется тем, что «из всех видов речевых произведений акты перевода наиболее обусловлены, поскольку, помимо ограничений, налагаемых системой языка перевода, они еще дополнительно детерминированы сознательным стремлением переводчика <...> как можно полнее воспроизвести содержание текста оригинала, <...> не нарушая норм языка перевода»¹³.

В процессе перевода постоянно идет активизация возможностей принимающего языка, которая происходит не столько под влиянием языка оригинала, сколько в связи с ним, иными словами, при столкновении двух языковых систем наиболее отчетливо проявляются словообразовательные и грамматические лакуны принимающего языка, которые переводчик стремится заполнить исходя из норм своего языка: «Чем выше в художественном отношении язык оригинала, тем ближе к тексту его следует переводить. При этом переводчик неизбежно вводит, «изобретает» и создает в своем языке новые слова, конструкции, выражения и тем самым обновляет, расширяет и обогащает его, задействуя потенциальные ресурсы своего языка (т.е. занимается творческой лингвопроективной работой), а также делает более доступной для адресата культуру оригинала»¹⁴.

С другой стороны, активного нарушения норм языка в переводных поэтических текстах не происходит по причине того, что переводы поэзии создаются с установкой на адресата¹⁵, поэтому ведущим здесь будет критерий понятности.

Таким образом, в современных переводных поэтических текстах создаются благоприятные условия для реализации потенциальности принимающего языка. Они определяются такими факторами, как столкновение языков (переводчику требуется передать слово, форму или

---

¹³ Комиссаров В.Н. К вопросу о сопоставительном изучении переводов // Тетради переводчика, 1970, Вып. 7. – С. 48.

¹⁴ Рябцева Н.К. Концепция художественного перевода Питера Ньюмарка и переводческая техника // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи, М., Индрик, 2012. – С. 30.

¹⁵ Азарова Н.М. Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса, М., Индрик, 2012.

конструкцию, не свойственную принимающему языку); стремление переводчика передать максимальное количество особенностей оригинала: языковых и формальных (ритм, длина строки и др.); понятность (переводы создаются с установкой на адресата, вследствие чего переводчик избегает окказиональных форм с высокой степенью аномальности и заимствований); отношение поэта к языку как к системе возможностей.

Во втором разделе первой главы материалом нашего исследования послужил ряд лингвистических работ по истории языка – Н.Н. Дурново (2000), М.М. Копыленко (1959, 1969, 1973), М.И. Чернышевой (1984, 1991), Е.С. Копорской (1988), К.А. Максимовича (2001) и др. Хотя эти работы не посвящены специально определению роли перевода в процессах межъязыкового взаимодействия, систематизация и рассмотрение их в таком аспекте, осуществленные в нашем исследовании, позволяют определить статус перевода как одного из катализаторов развития русского языка с исторической точки зрения. В то же время в некоторых работах В.Н. Ярцевой (1980, 2000), Е.М. Верещагина (1971), В.Н. Журавлева (1982) отмечается возможность рассмотрения перевода с такой позиции. Показательно, что В.Н. Ярцева употребляет выражение «ускоритель развития языка»¹⁶ применительно к переводу. Мысль В.Н. Ярцевой представляется нам перспективной для анализа потенциальности в ракурсе истории языка. Действительно, с исторической точки зрения переводные тексты могут быть рассмотрены как отражение этапов изменения русского языка и основных процессов, происходящих в нем, а воздействие, оказанное на русские тексты иностранными текстами в процессе перевода, выявляет потенциальность в системе русского языка.

Если говорить о работах по языку первых письменных памятников, то некоторые исследователи, например Р. Вечерка, считают, что греческий язык оказывал влияние «скорее как стимул, активизирующее средство выражения, потенциально существующее в старославянском; см., например, употребление предлога *отъ* после глаголов, выражающих опасение и т.д. (*не оубоитеса отъ; храмина же испльниса отъ*)»¹⁷. Очень важно, что Р. Вечерка употребляет термины *ускоритель* и *замедлитель*, определяя роль перевода в становлении и развитии языка: греческий язык «выступал как своего рода “ускоритель” или “замедлитель” некоторых свойственных старославянскому

---

¹⁶ Ярцева В.Н. О роли перевода в истории литературных языков // Вестник Ленинградского Университета, 1980, №20.

¹⁷ Вечерка Р. Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка, Прага, 1963. – С. 222.

процессов развития»¹⁸. Таким образом, по мнению ученого, именно в переводе вырабатывались нормы языка того времени, однако влияние греческого языка заключалось не в заимствовании, а в активизации потенциальности, заложенной в старославянском языке.

В области словообразования старославянский язык испытывал влияние греческого языка, которое выражалось как в заимствовании (*аггелъ* – *ἄγγελος*, *адъ* – *ἄδης*, *дѣмонъ* – *δαίμων*, *пасха* – *πάσχα* и др.)¹⁹, так и в словообразовательном калькировании: «*ієр-εὺς* – *свати-тель*, *γραμματ-εὺς* – *кънижь-никъ*, *прото-κλισ-ία* – *прѣво-възлежа-ние*, *σκληρο-καρδ-ία* – *жесто-срьд-ие*, *θεο-σεβ-ής* – *бogo-чьсть-нѣ*, *ἄ-σβεσ-τος* – *не-гас-имъ*, *εὖ-λογ-ειν* – *благо-слови-ти*»²⁰. В целом словообразовательное калькирование (поморфемный перевод) было продуктивным способом производства новых слов в старославянском языке.

Многие языковые инновации закрепились в языке благодаря переводным текстам. Максим Грек способствовал утверждению языковой нормы своего времени, перенеся грамматические изменения, имевшие место в устном, в письменный язык. Например, одной из грамматических правок, внесенных Максимом Греком при переводе Толковой псалтыри, является регулярная замена аориста перфектом без глагольной связки, то есть элевым причастием: «*разори* – *разорил еси*, *призва мя* – *призвал мя еси*, *услыша мя* – *услышал мя еси*, *сотвори* – *сотворил еси*, *избави* – *избавил еси*, *наведе* – *навел еси*, *положи* – *положил еси*»²¹. В области словообразования с помощью поморфемного перевода Максим Грек обогатил древнерусский язык такими словами, как, например, *трудолюбие*, *единокровный*, *благовѣрный*, *богомалец* и др.²², которые функционируют и в современном языке.

С исторической точки зрения в переводе находят отражение два процесса: прямое заимствование (лексем, морфем, грамматических конструкций), а также (что более важно для нашего исследования) активизация ресурсов языка (калькирование), которая происходила в языке перевода при столкновении с языком оригинала: через перевод язык оригинала давал стимул к развитию потенциальных возможностей принимающему языку в области словообразования и грамматики.

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Мещерский Н.А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка (По материалам переводных произведений Киевского периода) // Византийский Временник, Т.13, М., 1958.

²⁰ Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия, М., Изд-во Московского университета, 1971. – С. 45.

²¹ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова, Praha, Univerzita Karlova, 1976. – С. 46.

²² Сперанский М.Н. Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле литературной русской школы XV – XVI вв. (из истории византийско-югославянско-русских связей) // Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей, М., 1960.

В истории языка в переводных текстах часто наблюдалось системное образование слов определенных семантических классов по одинаковым словообразовательным моделям, что свидетельствует о заполнении определенных лакун языка. Такие лакуны чаще всего выявляются в процессе перевода, при сопоставлении с другим языком. Например, в русском языке XIX – начала XX века выделяется ряд формантов, с помощью которых оформлялись словообразовательные кальки: суффикс *-ость* – *боеспособность* (нем. *Kampffähigkeit*), *себестоимость* (нем. *Selbstkosten*), *целостность* (нем. *Ganzheit*); формант *-ение* (*-ание, -оние*) – *обобществление* (нем. *Vergesellschaftung*), *обособление* (нем. *Absonderung*), *самоопределение* (нем. *Selbstbestimmung*); суффикс *-ник-* – *распадник* и *упадочник* (фр. *décadent*)²³.

В то же время заполнение таких лакун происходило одновременно во всех типах речи, но с помощью разных средств. Язык прессы прибегал к заимствованиям, в то время как в переводных текстах функционировали новообразования с русскими формантами. В.В. Виноградов, характеризуя язык прессы XIX века, писал о широком распространении заимствований на *-изм* и *-ация*²⁴. Слова с данными формантами пополняли классы отвлеченных существительных и отглагольных существительных соответственно. В переводных текстах они пополнялись новообразованиями с русскими формантами *-ость* и *-ение/-ание*. Аналогичные соответствия между языком СМИ, рекламы, устной речью и языком переводной поэзии прослеживаются и на современном этапе развития языка.

Исследования по истории языка и перевода вплоть до начала XX века свидетельствуют о том, что перевод с исторической точки зрения можно рассматривать как один из катализаторов языкового развития и стимул появления потенциальных форм в текстах. Роль перевода в процессе выявления потенциальных для языка словообразовательных и грамматических явлений несомненна.

Если непосредственное влияние перевода на развитие русского языка – явление историческое, то способность переводных поэтических текстов реализовывать потенциальность принимающего языка, рассмотренная во второй главе работы, представляется нам их универсальным свойством.

Во второй главе «Перевод англоязычных поэтических текстов в аспекте потенциальности для современного русского языка

---

²³ Филин Ф.П. (отв. ред.) Лексика русского литературного языка конца XIX – начала XX века, М., Наука, 1981. – С. 227-228.

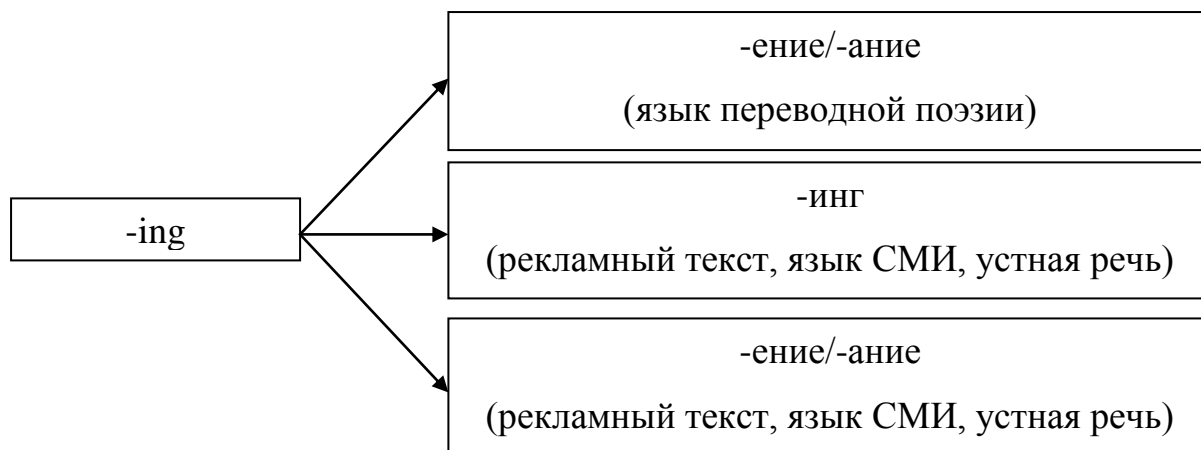
²⁴ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв., М., Высшая школа, 1982. – С. 430-432.

(словообразовательный и грамматический аспекты)», основываясь на переводах современной англоязычной поэзии на русский язык, мы рассмотрели такие активные процессы в области словообразования и грамматики, как образование отглагольных существительных с процессуальным значением (с суффиксом *-ение/-ание*) и значением деятеля (с суффиксами *-тель-, -щик-*), отглагольных прилагательных с семантикой возможности/невозможности, сложных слов и дефисных комплексов, появление новых форм отрицания, расширение класса отрицательных существительных, образование потенциальных форм множественного числа абстрактных существительных, концептуализация и абсолютное функционирование предлогов. Отметим, что некоторые из рассмотренных нами процессов являются активными в течение продолжительного времени (образование отглагольных существительных на *-ние*, отглагольных прилагательных с семантикой возможности/невозможности), а некоторые сравнительно новые, характерные для языка конца XX – начала XXI века – образование дефисных комплексов, концептуализация и абсолютное функционирование предлогов.

Потенцирование в языке переводной поэзии происходит двумя способами:

1. потенциальные формы в английском языке продуцируют потенциальные формы в переводе (модель «потенциальное → потенциальное»);
2. узуальные формы в английском языке продуцируют потенциальные формы в переводе (модель «узуальное → потенциальное»).

Такой активный общеязыковой процесс, как *образование процессуальных существительных*, по-разному проходит в разных подсистемах языка. В языке СМИ, рекламном тексте, устной речи мы можем наблюдать рост употребления инговых форм, которые являются как заимствованиями английских слов (*маркетинг, лизинг, бодибилдинг*), так и новообразованиями с русскими основами: *электричнинг, зацепинг, балаболинг, базаринг*. При этом происходит образование новых слов как от именных, так и от глагольных основ. В языке переводной поэзии пополнение данного класса происходит исключительно средствами принимающего языка, образуются потенциальные существительные на *-ние*. Данный активный процесс может быть представлен в виде следующей схемы:

В отличие от подсистем языка, заимствующих форманты, в переводе действует особый сознательный механизм потенцирования, направленный на избегание транслитерации:

туманный свет едкий хлеб невзмывание
Позже (мучительное движение) третий
Blurry light biting bread not darting up
Later (a pinching motion) a third (T. Field)

[Филд 2010, пер. А. Бабиной] ²⁵.

В данном отрывке мы видим потенциальное образование на *-ние*, которое реализует модель «потенциальное → потенциальное» (*to dart up* переводится как *устремиться вверх, взмыть*, однако процессуальное существительное *darting* неузуально²⁶). Интересно образование потенциальной отрицательной формы *невзмывание*. Возникновение потенциальных отрицательных существительных с формантом *не-* – активный процесс в языке современной поэзии как оригинальной, так и переводной.

Одна потенциальная словоформа часто представляет собой контаминацию двух продуктивных моделей, двух активных языковых процессов, что является одной из особенностей реализации потенциальности в переводном поэтическом тексте. Так, в потенциальной словоформе *невзмывание* реализованы два активных процесса: образование процессуальных существительных на *-ние* и расширение класса отрицательных существительных.

Признать те или иные слова потенциальными, а не окказиональными нам позволяет определение степени продуктивности словообразовательной модели и соотнесение количественных данных словарей, НКРЯ и

²⁵ Здесь и далее подробнее см. список источников при диссертации.

²⁶ *Darting up* можно также рассматривать как узуальную форму причастия настоящего времени. Современная англоязычная поэзия сознательно создает такие синтаксические конструкции, в которых невозможно однозначно определить частеречную принадлежность слов. Переводчику же приходится прибегать к конкретизации.

интернета²⁷. Подобные слова отсутствуют в словарях, обнаруживают нулевые или единичные вхождения в НКРЯ (например, *взмывание* – 1 вхождение в НКРЯ), но для них характерно значительное количество вхождений в интернете (например, *взмывание* – 1000 вхождений в интернете²⁸). Это служит доказательством того, что язык переводной поэзии не продуцирует аномалии, а отражает актуальное состояние языка, активные процессы, протекающие в нем.

Для ряда словоформ путем соотнесения данных интернета, полученных в мае 2013 года и в мае 2014 года, можно проследить рост количества вхождений, что говорит о динамике употребления этих слов. Например, у потенциального прилагательного *нестираемый*²⁹ в НКРЯ количество вхождений не изменилось (3 вхождения), а в интернете за год увеличилось с 11000 до 17000.

Если язык СМИ, рекламный текст, устная речь могут прибегнуть к заимствованию форманта (образование прилагательных с суффиксом *-бельн/-абельн/-ибельн*: *смотрибельный, носибельный, проезжабельный*), то язык переводной поэзии использует исключительно средства своего языка (образование отглагольных прилагательных на *-ем/-им* как коррелятов английских прилагательных на *-able*), что может быть представлено в виде следующей схемы:

²⁷ Необходимо отметить, что данные НКРЯ определяют употребительность анализируемой словоформы во времени (так как там даются ссылки на источники с указанием года написания или публикации), а данные интернета – синхронное, наиболее актуальное состояние языка. В то же время НКРЯ ориентирован на письменные источники, а интернет также передает состояние устной коммуникации (чаты, форумы и т.д.). Таким образом, приведение количественных данных из этих источников дает нам возможность определить потенциальность или окказиональность словоформы, а в некоторых случаях также показать динамику ее вхождения в речь, определить сферу употребления и др. Такие данные приводятся для большинства словоформ, рассмотренных в диссертации.

²⁸ Поисковая система Яндекс, данные датированы маем 2013 г., уточнены в мае 2014 г.

²⁹ *Нестираемое. Мерцающее оттуда – Indelible. Winking out there* (P. Gizzi) [Джицци 2010, 97, пер. А. Уланова].

В то время как в истории языка в процессе перевода оказывалось воздействие на принимающий язык языком оригинала, которое заключалось как в заимствовании (морфем, лексем, грамматических конструкций), так и в активизации ресурсов языка (калькировании), на современном этапе ведущей является установка на передачу языковых особенностей оригинала исключительно средствами принимающего языка:

По морю катит огромное солнце   *Huge sun rolls on sea*
Невосходимые скалы горят   *unclimbable cliffs are bright*
медленно холодно лезет прилив   *tide creeps slow and cold*
сквозь камни по песку   *by rock over sand* (B. Coffey)

[Коффи, пер. Н. Скандиаки].

В данном примере реализуется модель «потенциальное → потенциальное». Потенциальное английское слово *unclimbable* образовано от глагола *to climb* – *подниматься, влезать*, приставки *in-* (не) и суффикса *-able*. Как видим, переводчик в соответствии с принципом поморфемного перевода создал потенциальное для русского языка слово *невосходимый*, полностью передающее значение *unclimbable*. Необходимо обратить внимание на разную степень аномальности данных образований. В английском языке в целом новообразования с суффиксом *-able* являются более естественными, легче вписываются в систему языка за счет отсутствия словообразовательных ограничений³⁰, в русском языке образование прилагательных на *-ем/-им* является активным процессом, связанным, однако, с преодолением системных ограничений. У новообразования *невосходимый* степень аномальности выше, чем у английского *unclimbable*, созданного по высокопродуктивной модели. Здесь можно говорить о низкой степени аномальности. В то же время русское *невосходимый*, занимающее промежуточное положение между потенциальным и окказиональным словом, создано по продуктивной модели с некоторыми нарушениями, так как образовано от непереходного глагола. В узусе образование отглагольных прилагательных с семантикой возможности/невозможности от непереходных глаголов допустимо, но такие примеры не очень частотны и касаются давно лексикализованных форм на *-ем* (*неподражаемый, несгораемый, непромокаемый*). В языке переводной поэзии словоформы, образованные по модели «потенциальное → потенциальное», часто грамматически «аномальнее» форм оригинала. Однако это аномальность особого рода: эти слова не нарушают критерии понятности и прозрачности внутренней формы и регулярно встречаются в интернете.

³⁰ Plag I. *Word-formation in English*, Cambridge, Cambridge University Press, 2005. – С. 57.

По мысли Л.В. Зубовой, слова, формы и грамматические конструкции, возникающие в языке современной русской поэзии, часто можно рассматривать как возможное отражение «свойств прошлых языковых состояний»³¹. Действительно, образование прилагательного *невосходимый* исторически обусловлено: зафиксировано в Словаре русского языка XVIII века, что свидетельствует о том, что новообразования, встречающиеся в переводных поэтических текстах, возникают только в рамках возможностей системы принимающего языка, нередко состоящих в реконструкции исторической формы.

В языке переводной поэзии происходит *расширение класса существительных со значением деятеля*. Образование отглагольных существительных, «названий действий – названий деятелей по этому действию» взаимообусловлено: *Я как огня боюсь этих **извиняльщиков**, и даже когда я о них пишу, перо в руке // начинает дрожать: // Все мы вечно в поисках утраченного времени, но сколько времени утрачено и // тратится на то, чтобы все время им возражать! – I dread these **apologizers** even as I am depicting them, // I shudder as I think of the hours that must be spend in // contradicting them* (O. Nash) [Нэш, пер. И. Комаровой]. В русском языке, как, впрочем, и в английском, человека, постоянно приносящего извинения, нельзя назвать одним словом (модель «потенциальное → потенциальное»), хотя явных языковых ограничений для образования существительного с таким значением нет. Поэтому О. Нэш, посвятив теме бесконечных извинений свое стихотворение, легко создает слово, называющее человека, имеющего такую привычку. В переводе присутствует его относительный эквивалент, образованный путем поморфемного перевода, при этом суффикс *-er* передан русским *-льщик-*. Выбор именно этого суффикса вполне закономерен, так как в настоящий момент он продолжает оставаться высокопродуктивной словообразовательной единицей в области образования слов-характеристик: «слова-характеристики обозначают безобъектное действие (надрывальщик – кто любит надрываться, ликовальщик – тот, кто постоянно ликует)»³². Если *извиняльщик* – это человек, для которого характерно постоянно извиняться, то *извинятельство* – его основное занятие: *Я хочу обратиться к университетам, а также к книжным и журнальным // издательствам: // Надо наконец научить людей, что не надо вечно заниматься **извинятельством** – There is one thing that ought to be taught in all the colleges, // Which is that people ought to be taught not to go around // always*

³¹ Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект, Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – С. 3.

³² Земская Е.А. Словообразование как деятельность, М., URSS, 2009. – С. 116-117.

making apologies (O. Nash) [Нэш, пер. И. Комаровой]. В паре потенциальных отглагольных существительных «названия действия – названия деятеля по этому действию» существительное *извинительство* (ср. *apologies*³³) со значением явления, характеризующегося процессуальным признаком, названным мотивирующим глаголом, образовано уже по модели «узуальное → потенциальное».

В русских переводах англоязычной поэзии больше потенциальных слов, чем в оригинале. Особенностью языка переводной поэзии является высокая концентрация потенциальных словоформ в одном тексте, возникновение которых взаимообусловлено и связано с механизмом потенцирования, который заключается в том, что одна потенциальная форма в переводном тексте (обусловленная оригиналом) «тянет» за собой образование других потенциальных форм (уже по модели «узуальное → потенциальное»). Запущенный механизм потенцирования проявляется в поиске потенциальных соответствий узуальным словам оригинала.

Дефисные комплексы и сложные слова, свертывающие синтаксические конструкции оригинала, реализуют потенциальность системы принимающего языка в области образования новых понятий, соответствующих по емкости словосочетаниям и предложениям, стремление к языковой экономии.

Потенциальные сложные слова в переводе могут выступать эквивалентами синтаксических конструкций оригинала (модель «узуальное → потенциальное»): *Он предложил мне: // ... // столепестковый ослепительный нарцисс, дышавший сладко пресыщением и тленом – He offered me: // ... // a narcissus with a hundred dazzling petals that breathed a sweetness as cloying as decay* (A.E. Stallings) [Сталлингс 2007, 460-461, пер. Ю. Гуголева]. Здесь дословный перевод *нарцисс с сотней лепестков* заменен потенциальным сложным словом *столепестковый*. На уровне текста такие новообразования призваны сократить длину строки, что часто сопряжено с желанием переводчика передать ритм оригинала. Так, стремление к структурному соответствию служит еще одним стимулом к реализации потенциальности в переводной поэзии.

Также сложные слова и дефисные комплексы возникают в языке переводной поэзии как кальки английских сложных слов и дефисных образований. Стимулом для их появления становится стремление передать то

---

³³ *Apology* имеет словарное значение ‘извинение’, *to make apologies* – ‘извиняться’. Возможно, на уровне текста причиной образования потенциального *заниматься извинительством* как эквивалента узуального *making apologies* послужило стремление к структурному соответствию (каждому слову словосочетания найден свой эквивалент).

равноправие понятий, которое содержится в английском дефисном комплексе, избежать подчинительной связи слов в словосочетании (*одеяние-мысль, жемчуг-сердцевина, отбеливание-отблеск*³⁴). В языке переводной поэзии находит отражение активный процесс, связанный с появлением аналитических тенденций в русском языке.

В то же время, как отмечают многие исследователи поэзии, например Г. Лич, в поэтическом тексте дефисные комплексы обладают потенциалом к свертыванию и концептуализации информации, «силой концептообразования»³⁵: *Пустяки! // Еще один день, // Еще что-то-или-другое! – Fiddlydee! - // Another day, // Another something-or-other!* (J. Kerouac) [Керуак 2004, 357, пер. М. Гунина]. Благодаря симметричным конструкциям с *еще* более очевидным становится концептуальный статус дефисного образования. Однако в оригинале это выражено в большей степени, так как конструкции двух строк полностью симметричны (не добавляется *один*), и, следовательно, *day* и *something-or-other* обозначают равноценные понятия.

В переводе выявляется ряд активных процессов, связанных с отрицанием, находящихся в зоне потенциальности для современного русского языка: реализация моделей дефисного отрицания и двойного дефисного отрицания, встроенного отрицания, постановка отрицательного форманта в сильную позицию, расширение класса отрицательных существительных, причем многие отрицательные образования имеют текстообразующий характер:

*Он был здесь тогда, вернулся,
когда я была там; ты
был со мной; ты не был,*

*He was here then, back
when I was there; you
were with me; you weren't,*

*это тогда было прежде
начала нежизни,
не-тамность еще
не схватила его*

*the then being before the
beginning of the **unlife**,
the **not-thereness** having
not yet taken hold of his*

*за руку. Вера в его
положение была в уничтожении,
разобранный носитель
не-необходимости.*

*hand. The trust in his
estate was in its **undoing**,
the **disassembled** vehicle
of **non-necessariness**.*

³⁴ *Одеяние-мысль – это? – Is this a Thought-Robe?* (M. Longley) [Лонгли, пер. Н. Скандиаки]; *Эй, отбеливание-отблеск, блеск-пристальный-взгляд, жемчуг-сердцевина – корень миров – Hey bleach-blink, sheen-gaze, pearl-pith – root of worlds* (K. Volkman) [Фолькман 2010, пер. Г. Ермошиной].

³⁵ «the “concept-making” power» // Leech G.N. A Linguistic Guide to English Poetry, London, Longman, 1977. – P. 44.

*Многие горы из здесь
наговорили на его гдешность;
мы громоздим их*

*Many mounds of here
landed on his **whereness**;
we hoard them (S. Van Doren).*

[Ван Дорен, пер. А. Бабичевой].

Если активный процесс – это системное заполнение пустых клеток на одном из уровней языка, а потенциальные слова – это слова, образованные по продуктивным моделям, но еще не зафиксированные в словарях, то потенциальные слова – это всегда отражение активного процесса. Эту логику также можно применить к потенциальным грамматическим формам и конструкциям – потенциальные формы, системно заполняя лакуны, являются отражением активных языковых процессов.

Образование потенциальных форм множественного числа абстрактных существительных характерно для языка переводной поэзии. Как отмечает А.А. Зализняк, «singularia tantum – это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ»³⁶. По мысли О.Г. Ревзиной, поэтический текст нередко «обнаруживает потребность» в данных формах, легко их достраивая³⁷. Язык переводной поэзии в рамках данного процесса подчиняется общему свойству поэтического мышления. Именно по этой причине внутри класса потенциальных форм множественного числа абстрактных и процессуальных существительных, возникающих в языке поэзии, много поэтизмов (*любви, мерцания* и т.д.). Образование потенциальных форм множественного числа абстрактных и процессуальных существительных (*подразумевания, лжи, огромности* и др.) – системное явление внутри поэтического языка (английской поэзии, русской оригинальной поэзии и переводной поэзии). В языке переводной поэзии изобилие неузуальных форм множественного числа абстрактных и процессуальных существительных объясняется совпадением внутрипоэтической традиции и активного языкового процесса на современном этапе. В рамках данного процесса в основном реализуется модель «потенциальное → потенциальное»: *Ни продавец своих ненавистей и общностей – Not the salesmen, their **hatreds** and alliances* (J. Donahue) [Донахью 2010, 55, пер. Г. Ермошиной]; *И самым смутным полуобладаньям // Даруют несомненность бытия – The wispy soils go. And uncertain // **Half-havings** have they clarified to sures* (G. Brooks) [Брукс 1983, 448-449, пер. В. Британишского].

³⁶ Зализняк А.А. Русское именное словоизменение, М., Наука, 1967. – С. 58.

³⁷ Ревзина О.Г. Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии, М., Изд-во Московского ун-та, 1988. – С. 67.

Единичные примеры функционирования модели «узуальное → потенциальное» свидетельствуют о стремлении переводчика передать грамматические особенности оригинала:

*Вот ведь сколько неправд и клевет,
по ночам они сходятся к моей решётке
и лгут и клеветуют друг другу*   *There are so many lies,
at night they meet at the lattice
and tell lies to each other (A.Ireland)*
[Айрленд, пер. Д. Кузьмина].

Переводчик передает узуальное *lies* двумя потенциальными словоформами – *неправды*³⁸ и *клеветы*. По словам переводчика, это было сделано с целью передачи экспрессии оригинала: «от слова *ложь* множественное число образовать нельзя – значит, приходится использовать слово *неправда* (у которого множественное число хотя и неузуально, но морфонологической норме не противоречит). Но этому слову недостает экспрессии, и в особенности недостает экспрессии обороту *говорить неправду*, который по сути своей эвфемистичен. <...> Поэтому лексические удвоения здесь призваны восполнить экспрессивную полноту»³⁹.

В языке переводной поэзии реализуется ряд потенциальных возможностей в области функционирования предлогов. При передаче моделей английского предложного управления ведущей является тенденция к калькированию конструкций оригинала (узуальных и неузуальных): *gone into what // like all them kings // you read about // and on him sings* – *ушел куда что // как все короли // ты читаешь о // а над ним вдали* (Е.Е. Cummings) [Каммингс 1983, 320-321, пер. В. Британишского]. Так, если у Каммингса предложная конструкция *you read about* нормативна, то в русском переводе отсутствие в тексте объекта действия ведет к концептуализации предлога и появлению неузуальной конструкции с абсолютивным предлогом *читаешь о* (модель «узуальное → потенциальное»).

В то же время при переводе английского узуального сочетания «глагол+предлог» находит отражение общая стратегия переводчиков, направленная на то, чтобы не ограничиваться передачей словарного значения данного сочетания как целого. Модель с послелогом нерегулярна для русского языка, поэтому она провоцирует переводчиков рассматривать такие сочетания не как идиоматические, а как свободные и заново устанавливать отношения между глаголом и предлогом. Эта трансформация характерна для текстов переводной поэзии: межъязыковое взаимодействие провоцирует

³⁸ Необходимо также отметить, что, несмотря на неузуальность формы множественного числа *неправды*, в языке существуют лексикализованные сочетания с данной формой, например, *всеми правдами и неправдами*.

³⁹ Сообщено Д. Кузьминым в ходе интервью.

переосмысление регулярной для одного языка модели другим языком, что ведет к реализации потенциальности в последнем. Узуальному сочетанию «глагол+предлог» в оригинале соответствует потенциальный префиксальный глагол в переводе. Отсутствующее в русском языке грамматическое явление продуцирует проявление потенциальности в переводном поэтическом тексте: *Устану, усядусь средь улицы на паранет, // Все пробники **спробую** враз в магазинчике местном – I shall sit down on the pavement when I'm tired // And **gobble up** samples in shops and press alarm bells* (J. Joseph) [Джозеф 2009, 214-215, пер. Е. Тиновицкой]. Узуальная форма *to gobble up* переводится как *поглощать*, переводчик метафорически переосмысляет это сочетание и создает на его основе потенциальную словоформу *спробовать*.

Отметим, что рассмотренные нами модели реализации потенциальности в переводном поэтическом тексте («потенциальное → потенциальное», «узуальное → потенциальное») по-разному распределяются в рамках конкретного активного процесса. Модель «потенциальное → потенциальное» преобладает при образовании существительных со значением деятеля, потенциальных форм множественного числа отвлеченных существительных, появлении новых форм отрицания и потенциальных отрицательных существительных. В таком случае можно говорить о влиянии текста оригинала на текст перевода. Модель «узуальное → потенциальное» является основной при образовании сложных слов и дефисных комплексов, при передаче моделей предложного управления, что свидетельствует о влиянии языка оригинала на текст перевода: системные закономерности английского языка вызывают изменения на уровне текста, которые, однако, вписываются в систему принимающего языка, отражают его активные процессы. В образовании потенциальных процессуальных существительных, прилагательных с семантикой возможности/невозможности в равной мере задействованы обе модели.

Все рассмотренные нами потенциальные словообразовательные и грамматические явления в языке переводной поэзии характерны для оригинальной русской поэзии, как для текстов поэтов-переводчиков, так и для текстов поэтов, и, следовательно, могут рассматриваться как системные процессы, проявляющиеся в разных подсистемах языка, как потенциальные явления современного русского языка. Однако анализ показал, что для современных переводных текстов менее, чем для оригинальных текстов современной русской поэзии, характерно функционирование окказиональных образований – и даже если они есть, степень их аномальности (как это было показано на примере *невосходимый*) будет ниже, чем у окказионализмов в оригинальной русской поэзии – и совсем не характерно использование

иноязычных лексем и морфем. В оригинальной русской поэзии они функционируют в качестве игрового элемента:

*По медиа-рации вызвали трубочистильщика на подмогу,
он прицелился из швабринга – я раскинулся на подмостках
возле суфлёрской будки... [Голынка].*

В данном примере с помощью *-инг* образовано существительное от существительного, что достаточно необычно, так как инговые существительные должны образовываться от основ глагола. К тому же здесь вряд ли можно говорить о присутствии в слове *швабринг* какой-то дополнительной семантики по сравнению с существительным *швабра*. В данном контексте *-инг* скорее «игровой» элемент: благодаря нему *швабринг* рифмуется с *браунингом*, а сочетание его с глаголом *прицелился* подтверждает наше предположение. В то же время в языке СМИ *швабринг* активно используется в значении отглагольного существительного с процессуальной семантикой. Например, в таком контексте: *В нашей стране клининг еще не победил швабринг.*

Таким образом, заимствованный формант *-инг* функционирует в языке оригинальной русской поэзии⁴⁰ в качестве игрового элемента; в языке СМИ, рекламном тексте, устной речи – в процессуальном значении. В текстах переводной поэзии данный формант не употребляется.

В целом для современной русской поэзии характерно введение в текст иноязычных элементов (слов, словосочетаний, предложений), что свидетельствует об особом отношении поэта к языку (не только родному, а языку в широком смысле): по мысли Ф.Б. Успенского, «утверждение, будто поэт конструирует некое общеязыковое пространство, по-видимому, не до конца верно, скорее следует говорить о том, что он убежден в изначальном существовании пространства такого рода»⁴¹. Этим также, возможно, объясняется интерес многих современных поэтов к переводу, который способствует погружению в межъязыковое пространство.

Сопоставление оригинальных и переводных текстов одного и того же автора – Н. Скандиаки позволяет выявить единство идиостиля поэта и переводчика, разделить интенции переводчика и поэта, а также сравнить оригинальные и переводные тексты автора, чтобы определить зоны потенциальности в оригинальных и переводных текстах.

---

⁴⁰ Большинство рассмотренных в работе примеров можно отнести к иронической поэзии. В поэтических текстах неиронического характера формант *-инг* не встречается или его употребления минимальны и касаются хорошо освоенных слов.

⁴¹ Успенский Ф.Б. Работы о языке и поэтике Осипа Манделштама: «Соподчиненность порыва и текста», М., Фонд "Развития фундаментальных лингвистических исследований", 2014. – С. 42.

Концентрация потенциальных форм в переводных текстах Скандиаки и в ее оригинальных произведениях достаточно высока, что свидетельствует о том, что и поэтическое творчество, и перевод поэзии являются выразителями потенциальности, заложенной в языке, и дает возможность говорить о потенциальности как авторской стратегии.

Однако имеют место и некоторые отличия, связанные со специфическими свойствами оригинальной и переводной поэзии, а также с разницей в интенциях поэта и переводчика, которые касаются образования окказиональных / потенциальных слов и введения заимствований). Например, в оригинальных текстах Н. Скандиаки регулярно образуются неuzuальные прилагательные: *вас содержат в существе // безлинзовый // [ответ растения] растите / декоративность* [Скандиака д]; *чуть-чуть честной соли сыпнуть из столпика настольного — и ладно* [Скандиака е]; *пронозливый ухом пифии-горгоны // прогнозливый голосом. погромы. [?gortony]* [Скандиака]. Если в первом примере новообразование может быть признано потенциальной формой, так как оно создано по продуктивной модели (*бесклассовый, бесплановый* и т.д.), не нарушает системных закономерностей, то во втором и третьем примерах новообразования – явные окказионализмы: *честной* создано на основе контаминации с наложением корней, *пронозливый* – образовано от несуществующего корня, вследствие чего в обоих случаях нарушены критерии понятности и прозрачности внутренней формы.

Весьма показательным будет также привести данные НКРЯ и интернета, которые подтверждают актуальность количественного критерия при определении окказионального или потенциального характера словоформы: *безлинзовый* – НКРЯ – 0, интернет – 2000, *честной* – НКРЯ – 0, интернет – 0, *пронозливый* – НКРЯ – 0, интернет – 0, *прогнозливый* – НКРЯ – 0, интернет – 0.

В то же время в своих переводах Скандиака избегает явных окказионализмов: *Mycelial tangle of life lines – грибничная путаница линий жизни* (R. Nealy) [Хили, пер. Н. Скандиаки]. Потенциальное английское прилагательное *mycelial* (от *mycelia* – *грибница*) продуцирует образование потенциального прилагательного *грибничной* (НКРЯ – 0, интернет – 70) в переводе.

В оригинальных текстах автор более свободно обращается с ресурсами русского языка, во многих случаях создавая уже не потенциальные, а окказиональные формы. В то время как в оригинальном творчестве поэт может стремиться выйти за рамки языковой нормы, создать свою поэтическую систему, свой язык в языке, при переводе он связан

ограничениями, налагаемыми наличием оригинала, системой принимающего языка и ориентацией на адресата. Это приводит к тому, что прозрачность переводного текста выше, чем оригинального, что ведет к реализации в нем именно потенциальных форм. Следовательно, язык переводных поэтических текстов в наибольшей мере по сравнению с другими типами текста отражает потенциальность языковой системы, а также может выступать свидетельством активных процессов в общенациональном языке. Режим потенциальности в современных переводных поэтических текстах проявляется в том, что потенциальные слова и формы появляются в текстах переводной поэзии в концентрированном виде.

Если в истории языка в процессе перевода оказывалось воздействие на принимающий язык, а перевод являлся катализатором языкового развития, то на современном этапе взаимодействие языка оригинала и языка перевода происходит в плане концентрированного отражения активных процессов общенационального языка в последнем.

В Заключении подведены итоги работы, намечены возможные перспективы и задачи дальнейших исследований по теме диссертации.

Библиографический список включает 338 наименований работ на русском и английском языках.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

- 1. Тарасова М.А. Проблема интерпретации причастий в русских переводах современной англоязычной поэзии // Преподаватель XXI век, №3, 2011, Ч.2. С. 271-275.**
- 2. Тарасова М.А. Активные процессы в современной поэзии («ингвовый элемент») // Русский язык в школе, №6, 2012, С. 73-78.**
- 3. Тарасова М.А. Каждый перевод не проходит бесследно // Русская речь, №6, 2012, С. 30-36.**
4. Тарасова М.А. К вопросу о переводимости английских суффиксов на русский язык (на примере перевода слов с суффиксом -able) // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: сборник научных трудов, Иваново, 2010, Ч.1, С. 238-246.
5. Тарасова М.А. К вопросу о способах перевода английских суффиксов на русский язык (на примере перевода слов с суффиксом -er, -ing) // Научные труды молодых ученых филологов, М., 2011, С. 385-392.
6. Тарасова М.А. Потенциальные формы множественного числа существительных в русских переводах современной англоязычной поэзии // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический

аспекты: материалы IV Международной научной конференции, Тольятти, 2011, Ч.2, С. 258-262.

7. Тарасова М.А. Потенциальные существительные со значением деятеля в русских переводах современной англоязычной поэзии // Русский язык в контексте межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Евгения Михайловича Кубарева, Самара, 2011, С. 417-421.

8. Тарасова М.А. Перевод как катализатор языкового развития (словообразовательный аспект) // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012», М., 2012 (CD-ROM).

9. Тарасова М.А. Потенциальные формы причастий с семантикой возможности/невозможности в русских переводах современной англоязычной поэзии // Филологическое образование: теоретические и прикладные аспекты: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «47-е Евсевьевские чтения», Саранск, 2012, С. 134-140.

10. Тарасова М.А. Грамматика и семантика отрицания в русских переводах современной англоязычной поэзии // Грани языка в научном освещении и педагогической практике: Материалы научной конференции, Тула, 2012, С. 41-45.